

МНОГОСУБЪКТНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ КАК КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ, ТРЕБУЮЩАЯ ОТРАЖЕНИЯ В НОРМАХ ОБЩЕЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА

Сергей БАГИРОВ,

кандидат юридических наук, доцент,
докторант кафедры уголовного права
Института права имени Владимира Сташиса
Классического частного университета

Summary

In the research paper had been estimated the level of the scientific reasoning opinion on the need to carry out a revision of the provisions of the general part of criminal law for an adequate normative fixation criminological realities multi-offender committing crime. It is proved that the criminal complicity and co-causality in crimes are committed by negligence are the structural part of the whole – multi-offender crime. Whereas both criminal complicity and co-causality in crimes are committed by negligence share a number of objective characteristics, the most important of which serves a plurality of participants in a crime, in the Criminal Code they may well combine one chapter. The working title of the projected chapter is seen as follows: „Committing a crime in several offenders”.

Key words: offender, plurality of participants, multi-offender crime, criminal complicity, crime is committed by negligence, co-causality in crimes are committed by negligence.

Аннотация

В статье оценивается уровень научной аргументации мнения о необходимости осуществить ревизию положений общей части уголовного законодательства для адекватного нормативного закрепления криминологических реалий совершения многосубъектного преступления. Доказывается, что соучастие и неосторожное сопричинение являются структурными частями общего целого – многосубъектного преступления. Поскольку и соучастие, и неосторожное сопричинение имеют ряд общих объективных черт, главной из которых выступает множественность участников одного преступления, в Уголовном кодексе их вполне может объединить один раздел. Рабочее название проектируемого раздела видится таким: «Совершение одного преступления несколькими субъектами».

Ключевые слова: субъект преступления, множественность участников, многосубъектное преступление, соучастие в преступлении, неосторожное преступление, неосторожное сопричинение.

Постановка проблемы. В криминологии обычно выделяют шесть основных закономерностей развития науки [1, с. 19–20]. Главной движущей силой развития науки чаще всего признают потребности общественно-исторической практики, хотя конкретное исследование может и не обуславливаться запросами такой практики, а вытекать из логики развития самой науки.

На наш взгляд, в науке уголовного права в отношении исследований ответственности за совершение одного преступления несколькими лицами наблюдаются оба указанных фактора: во-первых, существует устойчивый запрос общественной практики оптимально урегулировать ответственность за участие в одном преступлении нескольких лиц; во-вторых, логика развития науки уголовного права требует новых теоретических и законодательных решений о рациональных мерах уголовно-правового воздействия в отношении многосубъектных преступлений и лиц, участвовавших в них.

Юристы уже давно столкнулись с необходимостью нормативного регу-

лирования ответственности нескольких субъектов, участвовавших в одном правонарушении. В науке уголовного права указанная ситуация решается в основном в рамках института соучастия в преступлении. Однако в большинстве стран законодательство и практика признают возможность соучастия лишь в умышленных преступлениях. В то же время криминологи установили, что в ряде случаев наблюдается совершение одного неосторожного преступления в результате неосторожных деяний нескольких лиц. Причинение общего преступного последствия в результате совпадения неосторожного поведения нескольких субъектов представляет собой криминологическую реальность, требующую надлежащего теоретического обоснования и нормативного обеспечения. В этой части в науке уголовного права наблюдается ощутимый пробел. Попытки решения данной проблемы – в теории ее назвали проблемой неосторожного сопричинения – в пределах учения о соучастии обнажили новую неисследованную область – многосубъектное престу-

пление в целом. В результате в теории уголовного права рядом ученых были сформулированы эвристично заряженные положения о многосубъектных преступлениях, а также спроектированы соответствующие уголовно-правовые нормы *de lege ferenda*. Данные положения и нормы требуют отдельного рассмотрения и анализа.

Актуальность темы. На наш взгляд, весомый вклад в исследование многосубъектных преступлений внес Р.Р. Галиакбаров. Современные российские криминалисты акцентируют внимание на том, что сам термин «многосубъектные преступления» одним из первых ввел в научный оборот именно этот ученый [2, с. 5].

Еще в начале 80-х гг. XX в. Р.Р. Галиакбаров выдвигает предположение, что теория уголовного права не уделяет пока должного внимания изучению проблем сосредоточения нескольких лиц в совершении одного преступления. Попытки замкнуть всю тематику исследований в этой области только на проблематике соучастия обедняют наши представления о сложном и разностороннем уголовно-право-

вом явлении, каким предстает в широком плане «группа» [3, с. 50]. Уже тогда Р.Р. Галиакбаров заметил, что в уголовном праве «вырисовывается» направление исследований, которое можно условно обозначить как проблему множественности участников преступления. Ученый подчеркнул, что при сосредоточении нескольких лиц в одном преступлении в различных вариантах возникают разнохарактерные уголовно-правовые последствия, которые не поддаются объяснению посредством господствующих представлений о соучастии в преступлении [3, с. 50–51].

Следует согласиться с Р.Р. Галиакбаровым, что предмет множественности в отрасли уголовного права ограничивается лишь аспектом множественности преступлений без учета того, что множественность может проявляться и в других качествах, вызывая ощутимые уголовно-правовые последствия, не поддающиеся объяснению через существующие теоретические концепции [4, с. 20].

Действующее уголовное законодательство, по мнению Р.Р. Галиакбарова, позволяет выделить две формы множественности: множественность преступных деяний и множественность участников одного преступления. Первая форма активно исследуется в теории, вторая ждет своего изучения [4, с. 21].

Множественность преступных деяний Р.Р. Галиакбаров определяет как стечение нескольких правонарушений, предусмотренных уголовным законом, в поведении одного и того же лица, а множественность участников одного преступления ученый предлагает понимать как прямо предусмотренное уголовным законодательством стечение нескольких физических лиц (субъектов, уголовно неответственных лиц) в рамках одного преступления. Причем каждое такое физическое лицо обязательно должно быть причастно к преступлению [4, с. 21].

По мнению Р.Р. Галиакбарова, одно преступление во всех случаях выступает тем цементирующим началом, которое объединяет различные виды (варианты) стечения нескольких лиц в единую форму – множественность участников этого преступления [4, с. 22].

Видами второй формы множественности (т.е. множественности участников одного преступления) Р.Р. Галиакбаров называет: соучастие в преступлении; прикосновенность к преступлению; неосторожное сопричинение; «групповой способ» совершения посягательства, когда деяние совершается личными действиями субъекта ответственности с дополнительным привлечением усилий невменяемого или лица, не достигшего возраста, с достижения которого возможна уголовная ответственность; посредственное причинение [4, с. 22].

Р.Р. Галиакбаров правильно замечает, что теоретическая разработка множественности в уголовном праве ведется односторонне. Упускается, что она может проявиться не только как повторность, рецидив и совокупность преступлений, но и на уровне признаков, характеризующих субъекта и иных лиц, причастных к событию преступления, и др. Накопленные знания позволяют предположить, что проявления множественности в уголовном праве охватывают не только область объективных свойств деяния, но касаются также субъекта преступления, других физических лиц, причастность которых к посягательству зачастую вызывает ряд определенных типизированных уголовно-правовых последствий. Этот аспект проблемы ныне остается неизученным и ждет своих исследователей [5, с. 7].

Полагаем, что важным в теоретическом плане предстает вывод Р.Р. Галиакбарова о соучастии как структурном элементе более широкого явления – института множественности, в частности его блока, охватывающего различные виды стечения нескольких лиц в одном преступлении. Ученый пишет: «Предпринимавшиеся в прошлом попытки решать проблемы стечения нескольких лиц только через призму учения о соучастии в преступлении привели к затянувшимся спорам на страницах юридической печати по многим теоретическим и практически важным проблемам. При этом в ходе дискуссии по существу конкретных вопросов высказывалось столько же противоречивых суждений, сколько специалистов участвовало в обсуждении» [5, с. 5–9].

Множество криминалистов согласились с выдвинутой концепцией многосубъектного преступления, взяв его в качестве предмета своих исследований. Так, М.С. Гринберг отмечает, что одна из традиционных уголовно-правовых проблем многосубъектных преступлений связана с необходимостью выявлять в определенных случаях лиц, подготовивших, облегчивших или сделавших возможным совершение преступления, а также определять меру их ответственности за «общий» вред» [6, с. 53]. Д.А. Безбородов полагает, что многосубъектное преступление, имея социальную природу и проистекая из социальных условий жизни общества, выступает в качестве особого уголовно-правового явления [2, с. 5]. А.В. Курсаев соглашается, что доминирующие в отечественном уголовном праве подходы к вопросам ответственности за групповые преступления исключительно сквозь призму соучастия представляются уже недостаточно аргументированными и не отражающими современный уровень развития общества [7, с. 39]. А.Р. Салимгареева обосновывает мнение о том, что соучастие в преступлении необходимо рассматривать только как разновидность преступной деятельности двух или более лиц, учитывая при этом иные отличные от соучастия проявления преступной деятельности с участием нескольких лиц, зачастую характеризующихся более высокой общественной опасностью [8, с. 8–9]. Преступная деятельность двух или более лиц по объективным критериям подразделяется, по А.Р. Салимгареевой, на: 1) соучастие в преступлении и 2) преступную деятельность без признаков соучастия. Преступная деятельность без признаков соучастия по субъективным признакам совместности также может быть классифицирована на два вида: 1) умышленное сопричинение; 2) неосторожное сопричинение [8, с. 16].

Как следует из приведенного анализа, некоторые представители науки уголовного права на протяжении трех последних десятилетий осознали, в каком направлении должна развиваться доктрина, и подготовили для этого теоретическую базу. Очевидно, что следующим шагом должны были

стать доктринальные модели уголовно-правовых норм, которые отражали бы установленные закономерности.

Цель статьи. Задачи настоящего исследования автор усматривает в обосновании необходимости осуществить ревизию положений общей части уголовного законодательства для адекватного нормативного отображения криминологических реалий совершения многосубъектного преступления.

Изложение основного материала. Следует заметить, что приведенные выше взгляды о многосубъектных преступлениях были критично восприняты некоторыми учеными. Так, А.П. Козлов выдвигает ряд аргументов против предлагаемого многими авторами института неосторожного сопричинения. С учетом предмета исследования данной публикации имеет смысл разобрать первый аргумент А.П. Козлова, так как остальные касаются не многосубъектного преступления как такового, а непосредственно неосторожного сопричинения. «Во-первых, – пишет А.П. Козлов, – создание института множественности участников и противопоставление его институту множественности преступлений несостоятельно само по себе, так как множественность участников должна предопределять особенности субъективного характера, особенности личности участников, тогда как соучастие, например, есть лишь специфика совершения преступления, специфика объективного участия в преступлении (об этом свидетельствует и определение видов соучастников в законе)» [9, с. 19].

На наш взгляд, приведенный аргумент А.П. Козлова является несостоятельным по следующим основаниям. Во-первых, Р.Р. Галиакбаров и его сторонники не противопоставляют предлагаемый ими институт множественности участников одного преступления институту множественности преступлений. Использование похожей терминологии (множественность) для обозначения качественно иного правового феномена вовсе не означает противопоставления одного института другому. Во-вторых, применяемая терминология «множественность участников» призвана обозначить тот факт, что одно (или

единое) преступление совершается несколькими (не одним!) субъектами. Этим термином автор концепции стремится показать как раз специфику объективного участия в преступлении в том понимании, что преступление – одно, участников – много. И соучастие, и неосторожное сопричинение имеют в этом смысле одну и ту же объективную специфику, причем вне какой-либо зависимости от особенностей личности участников. Поэтому мнение А.П. Козлова о том, что множественность участников должна предопределять особенности субъективного характера или особенности личности участников, трудно признать обоснованным.

Кроме того, Р.Р. Галиакбаров и его сторонники, предлагая институт множественности участников одного преступления, стремились выделить те общие черты, которые характерны и для соучастия, и для неосторожного сопричинения, то есть осуществить теоретическое обобщение более высокого уровня.

Выше мы отметили, что следующим шагом теории уголовного права должны были стать доктринальные модели правовых норм, которые отражали бы установленные закономерности. Этот шаг был сделан некоторыми авторами.

Так, А.А. Тер-Акопов считал, что разделение норм о соучастии и соисполнительстве должно быть доведено до конца, хотя они могут и соседствовать в одной статье с общим названием. Ученым еще в 2003 году была предложена следующая реконструкция главы 7. Назвать ее «Совместное совершение преступления». Статью 32 изложить в следующей редакции:

Статья 32: «Понятие и виды совместного совершения преступления.

1. Совместным совершением преступления признаются объединенные умышленные преступные действия двух или более лиц, направленные на выполнение состава одного и того же умышленного преступления.

2. Видами совместного совершения преступления являются соисполнение преступления и соучастие в преступлении.

3. Исполнением преступления признается непосредственное совершение преступления. Исполнением

признается также совершение преступления посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, предусмотренных настоящим Кодексом. Соисполнением преступления признается совместное умышленное участие нескольких лиц в выполнении деяния, предусмотренного составом умышленного преступления» [10, с. 215].

А.И. Плотников в ряде работ отстаивает мнение о реорганизации института соучастия в институт стечения лиц при совершении преступления. По мнению ученого, институт стечения лиц при совершении преступления включал бы в себя, кроме собственно соучастия (взаимодействия при совершении преступления или групповое преступление), также причастность к преступлению, сопричинение (при неосторожности), причастность к совершению преступления (то есть умышленное содействие при отсутствии взаимодействия с исполнителем), взаимодействие (содействие) с участием юридического лица [11, с. 132–136]. А.И. Плотников в связи с этим предлагает реконструировать гл. 7 УК РФ «Соучастие в преступлении» в общий институт «Стечение преступников в одном преступлении», придав ей более широкое содержание за счет включения таких форм отношения нескольких лиц к одному преступлению, которые не могут рассматриваться как совместные деяния, но находятся в связи и зависимости. В связи с ограниченным объемом данной статьи доктринальную модель соответствующих норм мы здесь не приводим, однако читатель сможет найти их в статье А.И. Плотникова [12, с. 259–261].

По мнению А.В. Курсаева, одним из направлений трансформации института соучастия будет учет иных проявлений преступной деятельности нескольких лиц, не охватываемых рамками соучастия. В таком случае вполне логичным будет именовать данную главу «Множественность лиц в преступлении» [7, с. 249].

В сущности, похожую позицию заняла А.Р. Салимгареева, которая предлагает название главы 7 УК РФ «Соучастие в преступлении» изме-

нить на «Преступная деятельность двух или более лиц»; определить в ней виды преступной деятельности двух или более лиц: 1) соучастие в преступлении; 2) преступная деятельность двух или более лиц без признаков соучастия [8, с. 22–23].

Выводы. Приведенные выше взгляды ученых представляют значительный научный интерес. Их предложения в целом созвучны тем мыслям, которые возникли у автора в процессе исследования неосторожно-го сопричинения.

Как следует из изложенного, в теории уголовного права в настоящее время рядом авторов обосновывается необходимость осуществить ревизию положений общей части уголовного законодательства для адекватного нормативного отображения криминологических реалий совершения многосубъектного преступления.

В то же время есть основания полагать, что не следует расширять институт соучастия за счет распространения его на неосторожное причинение вреда несколькими лицами. В теории уголовного права уже сложилось в целом понимание, что неосторожное совместное совершение преступления следует охватить самостоятельным термином «неосторожное сопричинение». Поскольку и соучастие, и неосторожное сопричинение имеют ряд общих объективных черт, главной из которых выступает множественность участников одного преступления, в уголовном кодексе их вполне может объединить один раздел. Рабочее название проектируемого раздела видится таким: «Совершение одного преступления несколькими субъектами». Детальная разработка норм проектируемого раздела вместе с критическим анализом предложенных решений представляет собой предмет самостоятельного исследования.

Список использованной литературы:

- Новиков А.М. Докторская диссертация : [пособие для докторантов и соискателей ученой степени доктора наук] / [А.М. Новиков]. – 3-е изд. – М. : Издательство «Эгвес», 2003. – С. 120 с.
- Безбородов Д.А. Неосторожные многосубъектные преступления: понятие и квалификация: учебное пособие / Д.А. Безбородов. – СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2015. – 60 с.
- Галиакбаров Р.Р. Проблемы криминализации многосубъектных общественно опасных деяний / Р.Р. Галиакбаров // Актуальные проблемы криминализации и декриминализации общественно опасных деяний. – Омск : Омск. ВШМ МВД СССР, 1980. – С. 40–51.
- Галиакбаров Р.Р. Нетрадиционные аспекты множественности в уголовном праве / Р.Р. Галиакбаров // Уголовно-правовые средства борьбы с преступностью: межвуз. сб. науч. тр. – Омск : Ом. ВШМ МВД СССР, 1983. – С. 19–25.
- Галиакбаров Р.Р. Квалификация многосубъектных преступлений без признаков соучастия : [учебное пособие] / [Р.Р. Галиакбаров]. – Хабаровск : Хабаровская высшая школа МВД СССР, 1987. – 96 с.
- Гринберг М.С. Соучастие в неосторожных преступлениях / М.С. Гринберг // Советское государство и право. – 1990. – № 8. – С. 53–60.
- Курсаев А.В. Неосторожное сопричинение в российском уголовном праве / А.В. Курсаев. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 280 с.
- Салимгареева А.Р. Преступная деятельность двух или более лиц без признаков соучастия в российском уголовном праве : автореф. дис.... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.Р. Салимгареева. – Екатеринбург, 2011. – 27 с.
- Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность / А.П. Козлов. – СПб. : Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. – 362 с.
- Тер-Акопов А.А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве / А.А. Тер-Акопов. – М. : «ЮРКНИГА», 2003. – 480 с.
- Плотников А.И. Некоторые проблемы развития уголовного законодательства / А.И. Плотников // Преступность и уголовное законодательство: реалии, тенденции, взаимовлияние : сб. науч. трудов. – Саратов, 2004. – С. 132–136.
- Плотников А.И. Соучастие как проблема диалектического противоречия и единства во множестве объективного и субъективного / А.И. Плотников // Российский ежегодник уголовного права. – 2012. – № 6. – СПб., 2013. – С. 233–261.